

Боазу, Томеру, Ноаму и Марику в память
о нашем совместном путешествии

Список иллюстраций

Рис. 1.1. «Роял Хайтс», квартал в Осаке.

Рис. 1.2. Мариико и Офра в Киото, 2011 год.

Рис. 5.1. Оживленное чаепитие: женщины просматривают и обсуждают женские журналы.

Рис. 6.1. Курихара Харуми, выдающаяся харизматичная домохозяйка.

Рис. 6.2. «Повседневность приносит радость».

Рис. 6.3. «Внезапный ливень». Модные мама и дочь встречают папу на железнодорожной станции.

Рис. 6.4. «Продвинуться» от крутого стиля «офис-леди» к изящному и утонченному «стилю мадам».

Рис. 6.5. «Нам нужна романтика!». «Романтика необходима, особенно когда тебе за 40!»

Рис. 6.6. «Способы полноценно наслаждаться тем, что ты женщина»: свидание с мужем в Гиндзе.

Рис. 6.7. «Разве я не хорошо выгляжу? Раз я теперь взрослая (*отона*), не купишь ли ты мне на этот раз что-нибудь с бриллиантами?»

Рис. 6.8. Новый кумир *Story*, Киёхара Аки, выражающая свою любовь к «дорогим, дешевым, милым и сексуальным вещам».

Рис. 6.9. «Мы объявляем план “Через пять лет я все еще буду любить себя”».

Рис. 7.1. «Мы — классные мамы».

Рис. 7.2. Комплект нижнего белья *конкацу* (брачной активности).

Рис. 7.3. «Помолвочный торт» *конкацу* (брачной активности).

Замечание относительно японских имен и терминов

В этой книге написание всех японских имен собственных следует японской традиции, в соответствии с которой первой пишется фамилия, а затем имя. Исключение составляют случаи, когда работа японского автора публикуется на английском.

Благодарности

Писательство — это процесс, в котором ты, по сути, одинок. И тем не менее неисчерпаем список людей, которым я благодарна за сотрудничество, помощь и поддержку в этом проекте. У меня не хватает слов, чтобы выразить благодарность Мариико Исикаве. Во многих отношениях эта книга — о ней, но еще важнее, что это исследование без нее не появилось бы на свет и не обрело бы свою форму без ее активного участия, помощи и дружбы на всех этапах.

Мариико познакомила меня с большинством женщин, принявших участие в исследовании и присоединившихся к нашим сомнениям вокруг темы японской домохозяйки. Я не могу выразить словами свою благодарность женщинам «Роял Хайтс» (вымышленное название, которое Мариико дала своему кварталу), которые уделили мне время и поделились своими чувствами и мыслями. Я обязана сохранить их анонимность и, к сожалению, не могу поблагодарить, назвав их настоящие имена.

Я хочу поблагодарить многих друзей и коллег из разных уголков мира, в том числе из Японии, США и Израиля. Их помощь, поддержка и воодушевление способствовали на разных этапах проведению моего исследования и созданию этой рукописи.

Формально я начала это исследование в 2003 году при поддержке гранта Японского фонда. Хотя полевая работа проходила в основном в Осаке, я провела некоторое время в Университете Софии в Токио, и я благодарю сотрудников его факультета свободных искусств, и особенно Дэвида Слэйтера, за гостеприимство и поддержку. Среди других людей в Японии, которым я благо-

дарна за их профессиональные знания, советы и дружбу, — Оти-ай Эмико, Гленда Робертс и Кубота Сатико. Марико и Кёдзи Цудзита и двое их сыновей, Дзюндзи и Тосия, великодушно и с открытым сердцем приняли меня в своем доме и предложили пожить у них в Осаке во время проведения исследования.

С 2005 по 2006 год я была приглашенным профессором по стипендии Тойоты в Центре японских исследований (Center for Japanese Studies (CJS)) при Мичиганском университете. Хочу воспользоваться возможностью и поблагодарить великолепный персонал Центра, в особенности Юри Фукудзаву, Сандру Моравски и Джейн Озанич. И отдельно я хотела бы поблагодарить Марка Уэста, который в то время был директором Центра. Во время моего пребывания в CJS мне посчастливилось работать с выдающимися научными ассистентами. Энн-Элиз Леваллен, Савада Кэйко и Дзюнко Тэруяма оказали мне неоценимую помощь в поиске, чтении и переводе японских материалов, за что я им искренне благодарна. В Мичиганском университете я также хочу поблагодарить Селесту Брусати, Рут Бехар и Рут Цофар за их советы, вдохновение и дружбу. Я выражаю особую благодарность моей дорогой подруге и коллеге Дженнифер Робертсон за критический взгляд, профессиональные знания и мудрость, которые поистине сыграли решающую роль в создании этой книги.

Я признательна моим студентам отделений восточноазиатских исследований и социологии и антропологии Тель-Авивского университета, чьи глубокие и честные вопросы заставляли меня задуматься и усилить мои аргументы. Я также должна поблагодарить своих коллег. Особая благодарность Хаиму Хазану и Ханне Херцог, которые всегда давали дельные и воодушевляющие советы и оказывали поддержку; большое спасибо также Сеффи Штиглиц, административному координатору отделения социологии и антропологии, за ее помощь. Я хотела бы поблагодарить своих научных ассистентов на разных этапах исследования: Михаль Брош, Майю Валленштейн и Яэль Синай. Отдельное спасибо Нааме Левин-Даган и Реут Харари за помощь в чтении и переводе японских материалов. Я глубоко признательна Халеду Фурани и Киннерет Лахад, которые читали черновики, за

вдохновляющие и полезные комментарии. Особая благодарность Михаль (Мики) Далиот-Бул из Хайфского университета за интеллектуальное общение и дружбу.

Я также признательна за полезные отзывы и предложения, которые я получила от коллег и ученых, принимавших участие во множестве симпозиумов и конференций, где я представляла соответствующие работы. К ним относятся ежегодные собрания Американской антропологической ассоциации, Ассоциации азиатских исследований, Европейской ассоциации японских исследований, Израильской антропологической ассоциации и семинара по антропологии Японии, а также ежегодные конференции по антропологии Японии в Японии и азиатским исследованиям в Израиле. В ходе этих встреч и других возможностей для интеллектуального обмена я прониклась благодарностью ко многим людям, в том числе к Эми Боровой, Лорен Эрдрайх, Ульфу Ханнерцу, Ципи Иври, Лоле Мартинес, Лоре Миллер, Кирина Нараяна, Эмико Онуки-Тирни, Амалии Саар, Хелене Вульф и Крису Яно, за их идеи и предложения.

Полевые исследования, работа с библиотечными фондами и подготовка этой рукописи были профинансированы следующими организациями и грантами: Японским фондом, стипендией Тойоты для приглашенного профессора в Центре японских исследований Мичиганского университета, грантом на поездки в библиотеки Азии, также в CJS, внутренним исследовательским грантом Тель-Авивского университета и исследовательскими грантами Института социальных исследований при отделении социологии и антропологии факультета социальных наук Тель-Авивского университета.

Я признательна Робину Кертису и Саманте Хейси из издательства Palgrave Macmillan за их вдохновляющую работу с этой рукописью. Я благодарю Мюррея Розовски за его редакторские предложения, касающиеся ранних черновиков, и я глубоко признательна Кэтрин Лоун Чоута за проницательность и чуткое отношение к моему стилю. Я благодарю Ори Баргала из Академии искусств и дизайна «Бецалель» за его идеи и помощь в создании обложки книги.

Я хотела бы воспользоваться этой редкой возможностью, чтобы поблагодарить мою мать, Зиву Руссак, за то, что она дала мне и двум моим дорогим сестрам, Брурии Гидони Бен-Зеев и Ирит Эрев, надежную гавань, в которой мы могли расти. Поддержка и вдохновение от Смадара Штейнбока, особенно в критические моменты отчаяния, были бесценны. И последнее, но не менее важное: я хочу поблагодарить моего спутника жизни, Боаза Голдштейна, которому больше, чем кому-либо другому, приходилось мириться со мной и с «книгой», а также двух моих любимых сыновей, Томера и Ноама, которые были еще детьми, когда я начинала это исследование, а теперь, как по волшебству, превратились в двух думающих и вдохновляющих молодых людей; я посвящаю эту книгу всем троим.

Предисловие

Японские феминисты давно осознали, что, изучая жизни женщин в послевоенной Японии, нельзя не принимать во внимание концепт «сюфу» (домохозяйки). В послевоенной Японии он стал меркой, с которой женщины стремились себя соотносить, и образцом, на основании которого общество стремилось их оценивать. Эта книга посвящена социальным, культурным и личным конструктам роли «домохозяйки», и ее производных, таких как «профессиональная домохозяйка» (*сэнгё: сюфу*) и некоторых более современных ориентированных на потребление версий, в том числе «харизматичная домохозяйка» (*карисума сюфу*) и «модная мама» (*осярэ мама*). В этой книге я показываю, как японское государство, с помощью различных своих агентов и институтов, в том числе корпоративного сектора, средств массовой информации и рынка, участвует в воспроизводстве таких ролей. Мое исследование, основываясь в первую очередь на этнографии, концентрируется на связи этих ролей, создаваемых государственными агентами, и того, каким образом те же самые роли принимаются как должное в жизнях японских женщин. Таким образом, книга предлагает рефлексивный взгляд на «реальную жизнь» женщин и их нарративы о ней и вместе с тем помещает их жизни и представления внутрь продолжающихся культурных и социальных дискуссий, которые формируют женские социальные роли, опыт и ожидания в современной Японии.

Однако в основе этой книги лежит не только антропологическое исследование, она также посвящена антропологическому процессу как таковому. Тот период в моей научной и личной жизни, когда я приступила к этому исследованию, оказался

критичным для пути, по которому оно пошло, так же как и для инсайтов относительно этнографической работы, которые у меня случились в процессе. Свобода в период после пребывания в должности поставила меня в новые обстоятельства, которые мне удалось использовать в полной мере, чтобы развить новый взгляд на темы, уже давно меня интересовавшие, как лично, так и в научном плане. Взяться за тему «японских женщин» было для меня вполне естественно, так как с ней был связан мой первый опыт преподавания в университете, но только в ретроспективе я смогла обнаружить более личные причины, по которым я выбрала ее в качестве основы для моей второй книги.

В 2003 году я выиграла грант Японского фонда на изучение темы, которую я тогда обозначила как «Изменение гендерных ролей в японском обществе». Естественным образом в качестве места проведения исследования я выбрала Осаку: именно в этом городе я провела три года, которые сформировали меня как «антрополога Японии». Хотя фактическим полем для моей кандидатской диссертации и первой книги послужил свадебный салон в близлежащем Кобэ, где я работала между 1989 и 1991 годами, помогая одевать невест (см. [Goldstein-Gidoni 1997]), моим «родным городом» (*фурусато*) стала Осака. Точнее, «моя» Осака — это не суматошный деловой и развлекательный центр города, а жилые районы на севере префектуры Осака. По большей части это города, которые создавались начиная с 1960-х годов в связи с ростом японского «нового среднего класса». Их часто считают «королевством жен/домохозяек», так как в основном именно жены господствуют там в течение дня после того, как проводят детей в школу, а мужей-«сарариманов» в офисы в деловом центре города, где те будут работать допоздна¹.

¹ Термин «сарариман» (*сарари:ман*) — комбинация двух английских слов «salary» (зарплата) и «man» (мужчина) — обозначает главным образом японских «белых воротничков», работающих в государственных учреждениях и корпорациях, и по сути символизирует «стандартную» и стабильную социальную структуру Японии (см. [Vogel 1963] о возникновении этого класса и [Dasgupta 2000] о его отношениях с маскулинностью, а также в первую очередь главы 2 и 4 этой книги). Термин «королевство жен» (*цума*

Однако понятие «дом» никогда не сводится только к месту, обычно это также и люди, или, точнее, семья. В моем случае семья молодой женщины по имени Мариико стала тем местом в Осаке, где я чувствовала себя как дома. Ее мама, добрая и щедрая домохозяйка, которая регулярно помогала иностранным студентам обустроиться в Японии, «удочерила» меня — иностранную студентку — и моего мужа вскоре после нашего прибытия в Осаку. Она нашла для нас квартиру прямо над своей, где она жила с мужем и двумя взрослыми дочерьми, и, кроме того, выступила нашим поручителем перед хозяином. Мариико, которая недавно закончила университет иностранных языков и провела некоторое время за границей, дружила с нами и практиковала свой превосходный английский в те короткие промежутки времени, когда была свободна от своей работы в качестве «офис-леди» в иностранной компании².

Как я объясняю более подробно в главе 1, я начала делать этот исследовательский проект о домохозяйках в Осаке спустя годы и только после того, как мы с Мариико обе стали матерями. Тем не менее, по сути, именно Мариико и мои отношения с ней привели меня к этому проекту. Так как на самом деле в качестве «места проведения» исследования о жизнях японских женщин я выбрала не просто Осаку (что было естественно), но и жизнь

тати но о:коку) придумал один популярный писатель в своем одноименном романе, действие которого происходит на той же территории «нового города» Сэнри, где я проводила свое исследование (см. [Shiroyama 2007]).

² «Офис-леди» — это наиболее распространенная работа для японских женщин, особенно в период между выпуском из университета и замужеством. «Офис-леди» (*office lady* (OL); *о:-эру*) — это женщина, которая работает регулярно в офисе и в чьи обязанности входят простые, повторяющиеся, связанные с делопроизводством задачи, которые не требуют никаких экспертных знаний или ответственности руководителя. «Офис-леди», как многие незамужние женщины в Японии, часто продолжают жить со своими родителями до зрелого возраста. Обычно они являются постоянными сотрудниками компании, работающими полный день, хотя работа, которую они выполняют, редко дает возможность для продвижения, кроме того, обычно подразумевается, что они уволятся, как только выйдут замуж.

моей давней подруги, Марики. Когда мы снова встретились в 1997 году, первый раз в качестве молодых матерей, меня очень заинтересовало то, что мы как будто пошли разными путями после того, как у нас обеих появились дети. В то время я билась над решением задачи (теперь я понимаю, что она не имеет решения), как женщина может преуспеть в том, чтобы одновременно быть матерью и реализовываться профессионально. Марики не пыталась это сочетать: как мне казалось со стороны, она стала «абсолютной матерью», которая полностью посвятила себя предъявлявшей высокие требования роли «профессиональной домохозяйки».

Однако появление детей укрепило наши отношения, и после 1997 года мы стали переписываться гораздо чаще, чем раньше, сначала по обычной почте, потом по электронной. Спустя несколько лет, когда младшая дочь Марики наконец пересекла рубеж трех лет, или «обязательных» лет эксклюзивной материнской протекции, известных в Японии как *сансайдзи синва* (миф трех лет), и начала ходить в детский сад, Марики почувствовала, что ее жизнь находится на распутье. Для нее было естественным поделиться со мной — той, кого она воспринимала как давнюю подругу и, возможно, также иностранку (*гайдзин*) и, кроме того, независимую женщину — своими поисками «точного» ответа на вопрос, который ее беспокоил:

Хорошо это или нет — быть «*сэнгё: сюфу*» [профессиональной домохозяйкой]?

Электронное письмо от 21 июля 2003 года (см. главу 1)

Однако для меня как участника нашей активной электронной переписки поиски Марики своего нового социального Я пробудили любопытство относительно ее жизни и, несомненно, подтолкнули направление для этого исследования, которое является в большей степени обоюдными попытками двух подруг понять, что значит быть женами и матерями и какие это имеет последствия. Если говорить конкретнее, это серьезная совместная попытка разобраться в роли «домохозяйки», или «профессио-

нальной домохозяйки», в том, какое влияние она имеет на женщин в современной Японии и какой смысл они ей придают. Эта задача была сформулирована в процессе интервью, чаепитий и дискуссий, в которых принимали участие мы с Мариико и, преимущественно, женщины из «Роял Хайтс» (такое название придумала Мариико для своего квартала). Позднее это нашло продолжение в виде длительного и интенсивного процесса совместной расшифровки, анализа и обсуждения нарративов и опыта того, что значит быть женщиной, женой и матерью в современной Японии.

Я и Мариико: антропологический процесс

«Не понимаю, почему ты удивляешься, что написание книги — это сложная задача, как будто ты еще ни одной не написала. Мне кажется, это как с рождением ребенка: забываешь, что уже рожала», — так ответила в электронном письме одна из моих коллег, когда я пожаловалась ей на трудности, которые я испытывала в начале процесса написания этой книги. Возможно, она была права. Но все же усилия, которые в итоге привели к рождению второй моей книги, во многих аспектах были более напряженными, в большей степени сопровождались внутренними спорами, конфликтами и размышлениями, чем это было, когда я писала первую. Ощущение сложности возникало по многим причинам, среди них: больше нагрузки в научной работе, избыток знаний, появившийся со временем и опытом работы, и, несомненно, также возрастающая или меняющаяся нагрузка в материнстве и семье. Однако я уверена, что единственным препятствием, которое лучше всего раскрывает сложность этого проекта, являются мои размышления по поводу того, как нужно писать эту книгу, в особенности поиски способов, с помощью которых в ней удастся отразить процесс возникновения ее идеи. В следующем отрывке из письма, которое я написала Мариико 22 декабря 2007 года, содержатся размышления об отношении личного к теоретическому, фиксированного к динами-

ческому. В нем также приоткрывается, как я в итоге решила включить процесс, или то, что я позже назову «интертекст», внутрь текста:

Кажется, ко мне пришло важное понимание, и я хочу обсудить его с тобой. Я думаю, что одна из причин, почему мне было сложно писать, заключалась в том, что я только и делала, что говорила и писала об этом, вместо того чтобы делать. Попробую объяснить, что я имею в виду. Я могу написать научную книгу о японских домохозяйках, основанную на наших интервью, и, возможно, упомянуть в предисловии, каким образом эта работа была сделана совместно с тобой, и о важности нашей электронной переписки в течение многих лет. Это один из вариантов, но я всегда чувствовала и чувствую сейчас, что это не то, что я хочу сделать. Я хочу показать в книге особые отношения, которые у нас сложились, и написать о том, насколько важны для понимания наши разговоры. Но вопрос в том, как это сделать, чтобы 1) получилось интересно для других и 2) не было слишком навязчиво по отношению к тебе.

Почти сразу же пришел короткий и прямолинейный ответ Марики, позволивший мне включить ее личное «мнение» в эту книгу, что в итоге и было сделано:

От: Марики

Отправлено: суббота, 22 декабря 2007 года, 12:02

Кому: Офра

Тема: RE: книга

Офра, речь, например, о том, что ты в других электронных письмах выделяешь курсивом? То есть ты размышляешь о том, чтобы включить мои письма между главами... Мне кажется, это хорошая идея.

Если меня что-то и беспокоит, то это использование фотографий женщин. Мне бы не хотелось, чтобы их можно было идентифицировать... наверное, подошли бы какие-нибудь небольшие нечеткие фотографии.

Честно говоря, на самом деле я не знаю, что я буду чувствовать, если мои письма напечатают в книге, правда, не знаю! Но я не хочу, чтобы это тебя тормозило, просто продолжай и посмотрим, что из этого получится!

Ма³

Для этнографических работ, как и для других областей социальных наук, попытки найти новые методы написания стали типичными, начиная как минимум с «кризиса репрезентации» середины 1980-х годов, а по сути, и намного раньше. Эти первоначальные попытки были заметны в феминистской этнографии и в других жанрах, в том числе в тех, которые получили название «автоэтнография» (подробнее поговорим об этом в главе 1). Более поздние попытки преодолеть разрыв между нарративом и наукой принимали множество форм, такие как этнофикшен, поэзия, драма, «исповедальные рассказы», этнографический монтаж и личная электронная переписка как рефлексивная стратегия исследования идей [Yanay, Berkovitch 2006].

Возможно, я трусиха, так как мне не хватило смелости представить здесь мои полевые записи, мою переписку с Мариико и рассказы женщин, которые мы слышали, в экспериментальных форматах, например в виде поэзии или драмы. Я даже удержалась от своего рода искушения выстроить всю книгу как этнографический монтаж, который предъявляет этнографические данные так, как они возникают в контексте полевой работы «без вмешательства теоретической контекстуализации» [Chaudhry 2005]. В моем случае подобный монтаж мог быть сконструирован из тысячи электронных писем, написанных мной и Мариико в течение многих лет и содержащих любопытную комбинацию обсуждения наших жизней, анализа нарративов и текстов и большого количества критических размышлений. Вместо этого я выбрала средний путь. Данная книга, в которой предлагается моя

³ «Ма» и «Ма-тян» — так называют Мариико только очень близкие друзья. Суффикс «тян» используется при обращении к знакомым женского пола. Аналогично образом я часто подписывала мои электронные письма к Мариико «О», и Мариико обращалась ко мне «О-тян».

антропологическая интерпретация идеи Государства — рассматриваемого в качестве конгломерата различных институтов, включая предпринимательский сектор, средства массовой информации и рынок, — и Государственных культурных конструкций, как они функционируют в жизни индивидуумов, образующих это Государство, придает равное значение теоретической контекстуализации и диалогу и процессу, которые стали источником для этого анализа.

Разъяснение загадки домашнего быта

«Загадка домашнего быта» отсылает к «Загадке женственности» — такое название Бетти Фридан выбрала для своей книги, оказавшей огромное влияние на формирование феминистского сознания и феминистского движения. «Загадка женственности» получила широкое признание и высокую оценку за то, что она изменила жизнь «миллионов и миллионов» женщин [Quindlen 2001: x] во всем мире, так как она «напрямую обращалась ко множеству “обычных” женщин» [Giles 2004: 144]. Однако несмотря на то, что эта книга, переведенная на японский язык в 1965 году (как «*Атарасий дзэ:сэй но со:дзо:*»), часто упоминается в японских феминистских исследованиях, в Японии она так и не стала бестселлером и едва ли можно считать, что оказала какое-то влияние на японских женщин. Тем не менее в книге Фридан также предлагается подробный критический анализ огромного воздействия разнообразных агентов влияния, среди которых средства массовой информации, психиатры, психологи, педагоги и социологи, на формирование «правильной» роли женщины в США 1950-х и 1960-х годов.

Придерживаясь аналогичного понимания значения и влияния этих конструкций, я предлагаю критический анализ того процесса, в котором государственные конструкции гендера, гендерных ролей, «феминности» и «женственности», так же как формирующие социальные роли, такие как «сарариман» и «профессиональная домохозяйка», становятся в современной Японии «естественными» (*атаримаэ*). Для этого анализа ключевым

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru